

Глава 2: Лжец

Лу Жун хаотично бродил по похожим на паутину переулкам и долго блуждал, прежде чем вышел на улицу. Улица была заполнена людьми и машинами, ничего необычного. Он вернулся к тому месту, где Ван Ту прошлой ночью провел линию жидкостью из бутылочки, и в растерянном огляделся.

Там ничего не было, в том числе и Ван Ту.

Черная машина, в которой они приехали, все еще была припаркована на обочине дороги, и мальчик подошел, вставая на цыпочки, чтобы заглянуть внутрь, но там ничего не было. Он не знал, куда исчез Ван Ту, но и не мог оставаться в мусорном баке, поэтому, немного подумав, просто остался у машины.

Был поздний вечер, и никто не замечал ребенка, пробегая мимо него возвращаясь с работы. Даже если и обращали внимание, то просто думали, что его родители были в магазине на обочине дороги. Зимой дни всегда были коротки, темнело быстро, и зажигались уличные фонари. Лу Жун все еще сидел на корточках у машины, с тоской глядя в ту сторону, откуда они приехали.

Всякий раз, когда он видел человека в светло-бежевом пуховике, его глаза загорались, и он, срываясь с места бежал к нему. Но увидев лицо человека, он разочарованно с опущенной головой медленно шел обратно.

Он посмотрел на свою короткую маленькую тень и наступил ногой на круглую тень помпона сверху. Слезы капали на снежную гладь, пробивая в нём неглубокие ямочки.

"Он просто занят и не бросил тебя," — прошептал он своей тени.

Недолго думая, он решил вернуться к мусорным бакам, представляя по дороге, как Ван Ту с тревогой роется в них. Он решил затаиться и подождать, пока Ван Ту не встревожится настолько, что заплачет, прежде чем не спеша подойти к нему.

Но воображаемая сцена так и не сбылась, Ван Ту до сих пор не появился, и ребёнок снова залился слезами.

Его желудок был голоден, к тому же запах еды разносился отовсюду, заставляя его чувствовать себя еще более некомфортно. Снежинки снова посыпались с неба, и он пошёл к лапшичной лавке на обочине дороги заглядывая внутрь сквозь стеклянную дверь.

В лавке сидел маленький мальчик примерно его возраста, его чаша с лапшой на столе стояла нетронутой, он только игрался, катая игрушечную машинку в руке по столу.

Он ненароком поднял глаза и встретился взглядом с Лу Жуном за стеклянной дверью.

Маленький мальчик скорчил гримасу Лу Жуну, и обычно Лу Жун ответил бы ему тем же. Но сейчас он был не в настроении и просто развернувшись, молча покинул лавку с лапшой.

"Эй, мальчик," — он услышал незнакомый голос, зовущий его неподалёку, но не понял, что зовут его, и с поникшей головой побрёл к машине.

"Мальчик. Мальчик!" — Мужчина вновь позвал, повышая голос.

На сей раз Лу Жун остановился и оглянулся только для того, чтобы увидеть бородатого мужчину средних лет, который стоял под деревом и махал ему рукой. Мужчина сказал: "Мальчик, подойди сюда, у дяди кое-что есть для тебя".

Лу Жун медленно подошел и остановился перед мужчиной.

Мужчина средних лет протянул левую руку, как будто хотел дотронуться до головы ребёнка, но тот отёрнул её, и рука мужчины коснулась пустого воздуха. Мужчина не принял это близко к сердцу, улыбнулся, а затем правой рукой вытянул бумажный пакет из-за спины и передал его Лу Жуну.

"Голоден, верно? Съешь мясную булочку," — ласково сказал он.

Лу Жун узнал маленькую ухмыляющуюся фигурку на бумажном пакете, от которого вкусно пахло.

Он уставился на бумажный пакет перед собой, в нос ему ударил запах печеного хлеба, от чего в животе радостно заурчало, и изо рта мгновенно потекла слюна. Он сильно хотел есть, но вспомнил слова Ван Ту и наставления учителя, поэтому не решился двинуться, только пара его глаз была прикована к бумажному пакету.

Мужчина средних лет, казалось, заметил его колебания и перестал уговаривать его, достав из пакета кусочек мясной булочки и отправил его в рот, наговаривая, когда ел: "Как же аппетитно пахнет, объеденье, так вкусно."

Лу Жун посмотрел на него и сглотнул.

"Ну же, кушай, дядя угощает тебя," — мужчина средних лет снова протянул ему бумажный пакет. Выражение его лица было искренним и энергичным, с доброй улыбкой, точно такой же, как и у Ван Ту, когда он просил его съесть еще одну миску риса.

Лу Жун был слишком голоден, поэтому перестал упрямыться и медленно опустил руку в

бумажный пакет.

Не сводя глаз с мужчины средних лет, он все еще двигался очень медленно, вынимая мясную булочку и поднося ее ко рту. Если бы она была странной на вкус, он вернул бы мясную булочку.

Мужчина средних лет продолжал улыбаться, когда Лу Жун откусил кусочек мясной булочки, и аромат маринованного мяса мгновенно разлился у того во рту.

"Спасибо," — прошептал мальчик.

"Давай, ешь, не нужно любезничать. Возьми ещё, когда ты закончишь," — сказал мужчина.

Лу Жун начал есть мясную булочку большими кусками, одновременно отвечая на вопросы мужчины, пока он ел.

"Моя фамилия Гао, ты можешь называть меня дядя Гао."

"Дядя Гао," — невнятно повторил Лу Жун.

"Хм, — дядя Гао кивнул и спросил, — как тебя зовут? Сколько тебе лет?"

Лу Жун проглотил полный рот мясного рулета и ловко провозгласил: "Меня зовут Лу Жун. Жун-Жун. Мне четыре года, я учусь во втором классе детсада, и меня пять раз награждали как хорошего мальчика и три раза как чистюлю."

Закончив, он подождал комплимента от дяди Гао, но дядя Гао только рассеянно кивнул и повторил: "Четыре года..."

Лу Жун не стал дожидаться комплимента, но все же серьезно повторил: "Мгм, четыре года."

Дядя Гао заметил, что мальчик доел мясную булочку, и протянул ему еще одну, но Лу Жун отказался, покачав головой. Булочка с мясом была настолько большой, что обычно он не смог бы съесть и половины, но сейчас он съел булочку целиком, и желудок был очень полон.

Дядя Гао также достал бутылку воды из своей черной сумки, отвинтил крышку и передал ее мальчику. Лу Жун уже съел чужую мясную булочку, он больше не был столь вежлив, поэтому взяв бутылку, выпил её залпом.

Он мучился от жажды проведя весь день без воды и съел мясную булочку, посему из-за пересохшего горла он выпил всю бутылку воды залпом.

Дядя Гао смотрел, как он пьет, а когда тот закончил, взял пустую бутылку, завинтил крышку и положил ее обратно в черную сумку.

Лу Жун хотел поблагодарить его и вернуться к машине, чтобы дождаться там Ван Ту, но прежде, чем он успел открыть рот, он почувствовал, что его разум затуманился. Шум людей и машин в его ушах начал стихать, и лицо дяди Гао перед ним расплылось.

Он попытался открыть рот, чтобы сказать, что у него закружилась голова, но язык не слушался его. Мальчик не смог издать и звука, он совсем ничего не понимал, а затем у него и вовсе потемнело в глазах.

....

Лу Жуну казалось, что он плывет в океане. Море было бескрайним, там было много-много ванночек, которые нельзя было наполнить водой. Он всплывал и тонул в воде, и время от времени до его ушей доносились какие-то голоса.

"...Поезд вот-вот отправится, пожалуйста, проверьте свой багаж..."

"...Почему этот ребенок все время спит? Он проспал весь день..."

"Мисс, мы возвращаемся домой. Ребенок пришел сюда на прием к врачу и только сейчас возвращается."

"Так значит, он болен..."

Лу Жун услышал, как дядя Гао с кем-то разговаривает, наряду с ритмичным механическим звуком лязга, как будто тот пробивался сквозь глубокий слой воды, размытый и далекий отдаваясь в ушах нечётким гулом. Он подумал: Так мы не в море, ох, — и тут же погрузился в дремотный сон.

....

Они вдвоем разговаривали друг с другом.

"Сегодня чересчур холодно, этот год действительно злобен."

"Наша гора Лунцюань всегда такая зимой, и не только в этом году, каждый год многие замерзают насмерть."

Мужчина средних лет достал из кармана своей хлопчатобумажной куртки пачку сигарет

«Ашима» и протянул одну водителю.

"Нет, нет, я только что поел," — водитель отказался с характерным местным акцентом.

"Прикури, все в порядке," — мужчина средних лет снова предложил.

Водитель улыбнулся и взял сигарету, но курить не стал, только аккуратно положил ее за левое ухо.

"Гао-гэ, должно быть нелегко навещать родственников с маленьким ребенком в такой холодный день, как этот. В следующий раз возвращайся весной," — водитель посмотрел на заднее сиденье в зеркало заднего вида.

Заднее сиденье было покрыто старой синей хлопчатобумажной курткой с небольшим бугорком под ней. Выглядывала только голова ребенка, который крепко спал, уткнувшись лицом в спинку сиденья. С этого ракурса он мог видеть только то, что у того была желтая шерстяная шапка с помпоном на макушке.

"Я буду занят в начале следующей весны, так что у меня не будет времени," — ответил мужчина средних лет, также известный как дядя Гао.

Водитель спросил: "Так откуда вы родом? У тебя акцент не здешний."

Дядя Гао лишь улыбнулся, но ничего не ответил и начал расспрашивать его о горе Лунцюань. Водитель тут же переключился и с большим интересом вернулся к этому вопросу.

Дорога была узкой и грязной, с редкими прожилками тонкого снега по обе стороны от желто-черных полос грязи. После того, как пикап наскочил на выбоину, слева появилась развилка, проселочная дорога с местом только для одной машины, петляющая дальше в лес.

"Гао-гэ, просто иди по этой дороге. В течение получаса вы прибудете в деревню Лунцюань," — водитель остановил машину и сказал.

"Премного благодарен."

Выскочив из машины, Дядя Гао попрощался с водителем бросив ему целую пачку сигарет, и прихватил Лу Жуна с заднего сиденья. Увидев, что пикап исчез вдаль, он сел на валун у обочины дороги.

Хотя в горах не было ветра, воздух был холодным, от таявшего снега. Лу Жун пошевелился в руках дяди Гао, и помпон на его шерстяной шляпе откинулся, частично обнажив расслабленное пухлое лицо ребёнка.

Грязная черная рука высунулась из-под большой хлопчатой куртки и потерла ему глаза.

Лу Жун некоторое время таращился в серое небо, его длинные ресницы трепетали. Затем он посмотрел на дорогу рядом с собой, потом, одновременно с растерянным и озадаченным лицом, на дядю Гао, который держал его.

Дядя Гао, держа мальчика одной рукой, достал бутылку воды из черной сумки, которую он принес с собой, и хлеб, запечатанный в пластиковый пакет.

Пуховик Лу Жуна с маленькой желтой уточкой сменился серо-черным, его маленькое лицо сморщилось в шарфе, на нем было несколько горизонтальных пятен, которых было трудно не заметить на его белоснежной коже.

Во рту у него пересохло, а кожа на губах сморщилась. Дядя Гао отвинтил крышку бутылки с водой, которую держал в руке, и протянул мальчику, но тот избегая её откинул голову назад. Он не знал, что уснул из-за бутылки с водой, но подсознательно чувствовал опасность и не хотел пить предложенную этим человеком воду.

Дядя Гао не ожидал, что четырехлетний ребенок будет таким настороженным, и его глаза блеснули. Наклонив голову и сделав несколько глотков, он поднёс бутылку ко рту Лу Ронга: "Попей, дядя Гао только что открыл эту воду, и она чистая."

Лу Жун брыкался в его руках, но так и не смог вырваться, и когда он открыл рот, чтобы заговорить, из него вырвался только глухой звук.

Дядя Гао воспользовался этой возможностью, наклонил бутылку, и вода потекла в рот Лу Жуна. Он не мог глотать, поэтому вода вытекала из уголков его рта, и от того мальчик начал задыхаться и кашлять.

Дядя Гао нахмурился, глядя на него с некоторым раздражением: "Пей как следует, не проливай."

Лу Жун закончил давиться и кашлять, уставился на бутылку с водой и облизывал губы, но в конце концов взял ее, выпивая большими глотками. Когда тот закончил пить воду, дядя Гао открыл пластиковую упаковку от хлеба и отломил кусочек, прежде чем положить ребёнку в рот.

Лу Жун жевал кусок хлеба, а дядя Гао прошептал, словно разговаривая: "Лу Жун, ты знаешь, что болен? Вчера ты упал в обморок на улице."

"Что значит упал в обморок?" — спросил хриплым голосом Лу Жун с хлебом во рту.

"Обморок — это... Когда ты внезапно засыпаешь и болеешь."

Лу Жун перестал жевать и слегка приоткрыв рот спросил: "Я болен?"

"Да, но теперь все в порядке, мы уже обращались к врачу, и болезнь вылечили."

Лу Жун замер, доедая хлеб, и повернул голову, чтобы посмотреть на деревья вдоль дороги. Через мгновение он обернулся, дядя Гао тянулся к черной сумке рядом с ним, но, встретившись с ребёнком взглядом, остановился.

Большие глаза ребенка были полны слез, два его черных зрачка словно тонули в них.

Дядя Гао знал, что каждый ребенок, проснувшись, в слезах станет искать своих родителей или бабушку с дедушкой. Как правило, он не умел уговаривать, так как у него это действительно ужасно получалось. Он, скорее всего, больше предпочел бы припугнуть малыша, чтобы тот по крайней мере слушался.

Кроме того, они выехали из города и находились на окраине деревни, так что здесь было не так много людей, испытывающих угрызения совести, а это означало, что он мог много заработать.

Однако этот ребенок был слишком хорош собой и умен, он не чтоб тот показался людям глупыми и напуганным. Вскоре он собирался встретиться с покупателем, более покладистым и жизнеспособным товаром, а это означало, что он мог повысить цену.

Лу Жун умолял слезливым шепотом: "Я хочу найти Ту-гэ."

Дядя Гао бесстрастно посмотрел на него и не издал ни звука.

"Дядя Гао, я хочу найти Ту-гэ."

Дядя Гао, открыв рот сказал: "Он бросил тебя."

"Ты лжешь! Ту-гэ не бросит меня!" — Лу Жун вздрогнул и сел прямо у него на руках.

"Я видел, что ты караулил эту машину. Он даже не забрал бы её, боясь вернуться и столкнуться с тобой," — добавил дядя Гао.

Лицо Лу Жуна начало краснеть, он чувствовал, что это не так, но не мог возразить, мог только механически повторять: "Лжец! Лжец!"

"Я слышал, как мужчина из магазина булочек сказал, что он выбросил тебя в мусорный бак."

"Потому что он велел мне спрятаться!" — крикнул Лу Жун, поднимая голос. Он больше не

хотел его слушать, и изо всех сил пытался сойти на землю.

Дядя Гао обхватил его получше, удерживая руки и ноги мальчика, и насмехался: "Все, что выбрасывается в мусорное ведро, является ненужными отходами, и он просто захотел выбросить тебя."

Лу Жун долго скрывал свой страх, но сейчас дядя Гао подчеркнул его. Он был ошеломлен. В тот же миг кровь отлила от его лица, слезы потекли вниз, повисая на маленьком подбородке.

"Стало быть, ты ненужный..."

"Лжец! Ты лжешь! Я собираюсь найти Ту-гэ!" — Пронзительно крикнул Лу Жун, прерывая слова дяди Гао.

Он вцепился обеими руками к его груди, его маленькое тело дрожало от смятения.

"Я не пойду с тобой, я собираюсь найти гэгэ!" — Он начал отчаянно сопротивляться, чтобы соскользнуть вниз на землю, но дядя Гао держал его не желая отпускать, поэтому он начал брыкаться пуще прежнего. Пуховик и шерстяное белье стянулись вверх, обнажая часть его детской талии.

Дядя Гао еле удерживал его и не мог понять, откуда в четырёхлетнем ребёнке столько силы, при этом молча проклиная его.

Он был похож на отчаявшегося маленького льва, размахивающего своими нежными лапами, но без малейшей наступательной силы. И как маленькая рыбка, выброшенная на берег, со вздымающимся белым брюшком, чьё тело трепетало, крича и хватая ртом воздух до тех пор, пока у неё ещё был кислород.

"Лжец! Лжец! Ту-гэ никогда бы... я ему нужен!" — Его голос был хриплым, когда он рыдал, и в отчаянной схватке его шляпа упала на землю, обнажив мягкие черные волосы, влажные от пота и прилипшие ко лбу.

Дядя Гао схватил его за обе руки и крепко держал у себя на коленях, слушая оглушительные крики и гневно крича: "Если ты, блядь, не будешь меня слушать, я оставлю тебя здесь!"

Он не ожидал, что это замотивирует Лу Жуна, так как тот сделал лишь небольшую паузу и начал бороться более агрессивно.

Дядя Гао стиснул зубы и наклонился, чтобы посмотреть на него, думая о том, не вырубить ли его просто, но побоялся, что мальчик получит травму до встречи с покупателем, в конце концов, до деревни было меньше получаса пути.

Колеблясь, он вдруг увидел две круглые серебряные шишки на макушке ребенка размером с монетки, спрятанные в его черных волосах.

Когда сфокусировался на них, серебро снова исчезло, заставив его задуматься, не мерещится ли ему. Он так отвлекся, что его хватка ослабла, и Лу Жун вырвавшись упал на землю. Он был необычайно проворен, когда поднялся с земли и побежал по дороге.

Дядя Гао поспешил за ним, сделал несколько шагов, чтобы догнать, и схватил мальчика под подмышки. Он потянулся к волосам Лу Жуна и приказал: "Не двигайся, дай мне посмотреть. Я же сказал тебе не двигаться!"

Если у ребенка были какие-либо злокачественные болячки на голове, ему бы пришлось продать его за гораздо меньшую сумму. В конце концов, согласно продавцу булочной и словам Лу Жуна, его действительно выбросил в мусорное ведро его так названный брат, и вполне возможно, что он действительно был больным ребенком.

Дядя Гао немного повозился с ним и, увидев, что его волосы чистые и без каких-либо недугов, вздохнул с облегчением и вернулся, чтобы сесть обратно на обочину дороги.

Несколько мгновений спустя Лу Жун наконец выдохся и перестал сопротивляться, только его руки и ноги все еще время от времени брыкались. Он лежал на коленях у дяди Гао, свесив голову с его бедра, и смотрел на деревья, которые тоже кренились вдалеке.

Холодные слезы потекли из уголков его глаз протекая по лбу, а затем скрываясь в волосах.

Дядя Гао вспотел и тяжело дышал от приложенных ранее усилий.

Он сдержал ярость в своем сердце и ласково заговорил: "Дядя Гао сжалился над тобой и дал тебе новый дом. Твой брат бросил тебя, поэтому дядя Гао нашел тебе новых родителей, которые сошьют тебе новую одежду и будут готовить тебе вкусную еду каждый день, дядя Гао отправляет тебя в хорошую семью."

Лу Жун почувствовал, что его глаза болезненно опухли, он закрыл и снова открыл их, продолжая смотреть на деревья и бормоча отчуждённым тоном: "Лжец..."

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326831>